

Д.Ф. Щеглов

**Первые страницы русской
истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Ф. Щеглов**
Первые страницы русской истории / Д.Ф. Щеглов – М.: Книга по Требованию,
2016. – 164 с.

ISBN 978-5-518-07425-5

Журнал Министерства Народного просвещения. Апрель-Июнь. 1876. Пятое десятилетие.

ISBN 978-5-518-07425-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

исключительно Русские ¹⁾: Ломоносовъ, Татищевъ, Волтинъ, Венелинъ, Морошвинъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Каченовскій, Строевъ, Максимовичъ, Надеждинъ, преосв. Порфирій, гг. Костомаровъ, Геденовъ, Иловайскій. Ясное дѣло, что какаѣ-нибудь общія причина направляла труды тѣхъ и другихъ ученыхъ въ одну сторону. Это не зависѣло ни отъ степени ихъ образованія, ни отъ случайнаго знакомства съ источниками, наклонявшими ихъ въ ту или въ другую сторону. И та, и другая причина должны были дѣйствовать одинаково и на Нѣмцевъ, и на Русскихъ. И безъ особенной общей причины количество норманистовъ и противниковъ ихъ, по теоріи вѣроятностей, распредѣлилось бы въ обѣихъ группахъ, равными частями. Общую же причину, наклонявшую Нѣмцевъ къ норманской теоріи, а Русскихъ къ отрицанію ея, было вліяніе національности: Нѣмцамъ весьма пріятно было доказывать, что Русское государство основано людьми, принадлежащими къ ихъ племени; Русскимъ это не нравилось. Говоря это, я нисколько не заподозриваю честнаго отношенія къ дѣлу кого-либо изъ названныхъ ученыхъ. Всѣ они поддавались вліянію національности, сами не замѣчая того, какъ это обыкновенно бываетъ.

Перевѣсъ Нѣмцевъ легко объясняется, кроми большей привычки ихъ къ ученнымъ работамъ, перешедшей къ нимъ по традиціи отъ ихъ предшественниковъ, тѣмъ, что всѣ они работали въ одномъ направленіи, поправляя и дополняя другъ друга, такъ что они достаточно разработали свою теорію, прежде нежели кто-нибудь изъ противниковъ ихъ выступилъ съ серьезнымъ трудомъ. А Русскіе, выступивъ на ученую арену повдно, дѣйствовали кроми того въ разныхъ направленіяхъ, опровергая и норманскую теорію, и теоріи всѣхъ другихъ ея противниковъ: одни искали начала Руси у Славянъ Русскихъ или Прибалтійскихъ, другіе у Финновъ, третьи у Пруссавъ, четвертые у Литовцевъ. Труды каждаго ученаго были бесполезны для другихъ; каждый долженъ былъ самъ начинать съ начала, что представляло тѣмъ болѣе затрудненій, что ученые Нѣмцы прежде всего являли

¹⁾ Изъ Нѣмцевъ вооружался противъ норманской теоріи только Эверсъ съ некоторыми изъ своихъ учениковъ; и этотъ фактъ весьма знаменателенъ, потому что ученость и критическія способности Эверса чрезвычайно высоко цѣнятся самими норманистами. Изъ Русскихъ наиболее усердными норманистами были Карамзинъ, большой поклонникъ всего западнаго и противникъ руссоидовъ Шишкова; а за нимъ—Погодинъ и Бутковъ, которые вступили на поприще науки уже съ готовыми возразаніями, то-есть, съ норманскою теоріей, которой Карамзинъ своимъ авторитетомъ далъ окончательный перевѣсъ.

на свѣтъ Божій именно тѣ историческія свидѣтельства, которыя говорили въ пользу ихъ теорій, оставляя безъ вниманія тѣ, которыя противорѣчили ей. Наконецъ, важнѣйшія данныя, которыя подсказываютъ норманскую теорію въ корнѣ, именно важнѣйшія извѣстія арабскихъ писателей и данныя археологическія, въ то время совсѣмъ не существовали для науки, будучи погребены въ землѣ или въ темныхъ углахъ библиотекъ, такъ что противники норманистовъ, за исключеніемъ критики ихъ теорій, и не могли представить имъ съ своей стороны чего-нибудь такого, что могло бы съ успѣхомъ замѣстить пустоту, которая должна была образоваться въ науку вслѣдствіе ихъ возраженій.

Это продолжается и до нашихъ дней; пустота, безъ сомнѣнія, образовалась. Русь норманской нѣтъ; Ruotzi и Rodsin оказались несостоятельными. И г. Буникъ, наиболѣе спокойный и безпристрастный защитникъ норманской теоріи, признавалъ, что требованіе, предъявленное норманистамъ противниками ихъ (г. Гедеоновымъ) открыть „природныхъ шведскихъ Россовъ совершенно справедливо“¹⁾, послѣ того какъ

¹⁾ Прилож. къ т. VI Зап. Ак. Н. № 2, стр. 62. Только Погодинъ не отдаетъ въ этожъ отношеніи никакихъ уступокъ. Такъ, даже признавалъ, что ни Ruotzi, ни Rodsin не объясняютъ Несторовой Варяжской Руси, онъ совсѣмъ и не думаетъ замѣнить чѣмъ-нибудь эту упавшую подиору норманской теоріи. Понимая, что норманская теорія держится почти единственно на разказѣ Нестора, Погодинъ старается поддержать его значеніе, сильно поколебленное г. Гедеоновымъ, находитъ его достоинства въ его простотѣ (а г. Буникъ признавалъ въ немъ отголоски ложной Бракоской учености), жарности самому себѣ (а г. Гедеоновъ благодаритъ его за противорѣчія, которыя, впрочемъ, и всѣми признаются), согласіи съ иностранными свидѣтельствами (а Русь-скандинавское племя, победы Святослава въ Вуггаріи, Олегъ предъ Царьградомъ, Великій водный путь?), согласіи съ естественнымъ ходомъ вещей (а призываніе двумя враждебными народностями князей изъ третьей враждебной народности, или уваживаніе христіанскаго царя за своею крестницею, которой притомъ было подлѣ 70 лѣтъ?). Стремленіе поднять Нестора, какъ главную опору норманской теоріи, приводитъ Погодина къ тому, что Нестора онъ называетъ самымъ благонадежнымъ свидѣтелемъ, «современникомъ, очевидцемъ», и именно по отношенію къ разказу о призываніи князей (тамъ же, стр. 4). Несторъ отдаленъ отъ Рюрика болѣе, чѣмъ двумя вѣками, а Погодинъ называетъ его современникомъ и очевидцемъ! «По нашей системѣ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ Погодинъ, — «все гораздо простѣе и легче: такъ назывались Варяги Русью, какъ другіе Варяги называются Шведами, другіе Англичанами, другіе Готами, Мурманцами тако и си. Въ Аестовѣ части сидятъ Варяги: Шведы, Урманцы, Готы, Русы, Англичане» и т. д. — «Вотъ между какими народами показывается Русь», продолжаетъ Погодинъ; — «вотъ два капитальныхъ мѣста, на которыхъ»

последнее убежище ихъ *Boislagen* оказалось несостоятельнымъ; г. Куникъ признавъ силу другихъ доказательствъ, направленныхъ г. Геденовымъ противъ норманской теоріи, призналъ подозрительность числа *три* въ разказѣ Нестора о призваніи князей (стр. 60), признаетъ его наклонность къ произвольной систематикѣ, хотя и не согласенъ съ тѣмъ, чтобы она замѣтна была у него „въ сказаніи о происхожденіи Варяго-Руссовъ“. Г. Куникъ подалъ при этомъ надежду, что когда-нибудь удастся, можетъ быть, доказать, что княжескій родъ Росъ жилъ не на материкѣ Швеціи, намекая, что его можно еще искать на островахъ Готландъ и Даго (*Zam. Ak. H.*, прилож. къ т. VI, стр. 60). Но пока все-таки ни народа, ни княжескаго рода съ именемъ Русъ въ скандинавскомъ мірѣ не отыскано.

Пустота существуетъ, и я буду доказывать, что съ этой стороны, изъ скандинавскаго міра, она не можетъ быть пополнена. Гг. Геденовъ и Иловайскій также не дополнили ее. Представивъ очень сильныя возраженія противъ норманской теоріи, поколебавъ достовѣрность Несторова разказа о призваніи князей и о существованіи Руси скандинавской, чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, сами они замѣняютъ разказъ Нестора, чѣмъ доказываютъ существованіе своей Руси Киевской?

Извѣстіе нашей лѣтописи о призваніи князей не носитъ на себѣ ни одного признака исторической истины; но нельзя думать, чтобы Несторъ ¹⁾ самъ сочинилъ это извѣстіе: онъ былъ достаточно добросовѣстенъ, чтобы не дѣлать этого. Мысль Шлецера, что онъ могъ сознательно лгать изъ ложно понятаго патріотизма, какъ справедливо замѣчено, противорѣчитъ даже его собственному взгляду на Нестора. Несторъ могъ даже и Святославу приписывать побѣды въ

видится извѣіе о норманскомъ происхожденіи Руси» (стр. 40). Эти слова Погодина имѣютъ большой смыслъ. Указывая основу норманской теоріи въ двухъ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописца, въ которыхъ лѣтописецъ явнымъ образомъ ошибся, такъ какъ Руси между Свелин, Урмлакии, Готами не было, Погодинъ самъ невольнымъ образомъ обнаруживаетъ ее несостоятельность.

¹⁾ Приписывая Нестору извѣстіе о призваніи князей, я не хочу показать этимъ, что считаю Нестора, Киевскаго монаха, дѣйствительнымъ авторомъ лѣтописи, носящей его имя. Быть можетъ, авторъ ее былъ кто-нибудь другой. Несторъ—это принятое имя для перваго русскаго лѣтописца, подъ которымъ скрывается даже не одинъ авторъ, и не два, а нѣсколько, такъ какъ въ начальной лѣтописи есть нѣсколько вставокъ. Очень вѣроятно, что и самое извѣстіе лѣтописи о призваніи князей, равно какъ ее этнографія западной Европы и сѣверной Россіи, вставлены въ лѣтописи впоследствии. На это есть довольно ясныя указанія.

Болгаріи, основываясь на дошедшихъ до него разсказахъ, такъ какъ побѣжденные очень рѣдко признають себя побѣжденными, а черезъ сто лѣтъ народному преданію очень легко и пораженіе превратить въ побѣду. Очень вѣроятно, что Несторъ только приспособлялъ къ началу Русскаго государства какую-нибудь легенду, и онъ имѣлъ къ этому даже поводы, и даже, быть можетъ, матеріалъ для того. Что касается до Руси скандинавской, очень вѣроятно, что онъ самъ сочинилъ ее, но сочинилъ не какъ сказку, а какъ слово науки; это былъ результатъ его изысканій. Шлецеръ замѣтилъ, что Несторъ не разъ повторяетъ, что Русь есть Варяжское племя, какъ Свен, Готти и пр., какъ будто опасаясь, что не поймутъ, или что недостаточно обратятъ вниманія на его слова. Это неоднократное повтореніе и показываетъ, что Русь варяжская была плодомъ домысла Несторова, что никто ея не зналъ, что мысль о ней Несторъ старался втолковать современникамъ. Но поводомъ къ домыслу было его собственное убѣжденіе и убѣжденіе его современниковъ, что имя Русь не было туземнымъ въ Кіевѣ, что оно принесено туда изъ Новгорода, но что и тамъ оно не было туземнымъ, а принесено туда изъ настоящей Руси. А гдѣ была эта самая Русь, этого никто не зналъ. Несторъ занялся изслѣдованіемъ этого вопроса и нашелъ, что она была въ Скандинавіи. А безъ этого убѣжденія, которое необходимымъ образомъ должно было быть общимъ у него съ современниками, онъ не могъ задаться даже вопросомъ о первоначальной Руси.

Итакъ, за сказкою Нестора о призваніи; за его невѣрнымъ домысломъ, что первоначальная Русь была въ Скандинавіи, скрывается его убѣжденіе и убѣжденіе его современниковъ, что имя Русь въ Кіевѣ и въ Новгородѣ было не туземное, а принесенное извнѣ. А это убѣжденіе есть историческій фактъ, съ которымъ нужно вести счеты, котораго внутренній смыслъ нельзя отвергать безъ достаточныхъ доказательствъ. Подобное убѣжденіе не могло возникнуть въ средѣ народа безъ причины. Если народъ думалъ, что его родина получила свое имя извнѣ, что прежде она называлась иначе, то по всей вѣроятности, это такъ и было. Этотъ выводъ можетъ уступить мѣсто только достаточнымъ и положительнымъ доказательствамъ.

Представили ли гг. Гедеоновъ и Иловайскій такія доказательства въ пользу своего мнѣнія, что страна по среднему Днѣпру искони называлась Русью?

III.

Посмотримъ, каковы основанія, приводимыя имъ. Славяне, говорить г. Гедеоновъ, большею частью получали свои названія отъ естественныхъ особенностей своихъ странъ, напримѣръ: Моравя, Хорваты, Дуброва, Загорцы, Озеряты, Полабы, Полочане, Бужане и т. д.; по законамъ исторической аналогіи, и имя Русь произошло отъ какой-нибудь естественной особенности, выражаемой похожими звуками. Эта особенность есть многоводность страны, а вода въ разныхъ видахъ въ старинномъ славянскомъ языкѣ обозначалась словами, составленными изъ корня рс, рсь, удержавшагося теперь въ словѣ роса и производныхъ отъ него. Но въ восточной Европѣ, то-есть, въ Россіи, все пространство земли, занимаемое Славяно-Русскими племенами отъ Волги-Рось до Нѣмана-Рось, по словамъ г. Гедеонова, „покрыто рѣками, носящими названія Рось, Русь, Роса, Руса“¹⁾. Рѣки эти слѣдующія: 1) Волга-Рось, 2) Осколь-Рось, 3) Нѣманъ-Рось, 4) Нѣманъ-Рось (въ другомъ мѣстѣ (?)), 5) Куршъ-Гафъ-Русна, 6) Рось, притокъ Нарва, 7) Рось, притокъ какого-то Шещуна, тамъ же, 8) Русь, впадающая въ Ильмень, 9) Рось, притокъ Днѣпра, 10) Руса, притокъ Семи, 11) Рось, впадающая въ озеро Jezioro, 12) Эмбахъ-Рось, 13) Роска на Волыни, 14) Порусья, притокъ Полисти.

Г. Иловайскій исключилъ изъ этого числа нѣкоторыя рѣки; такъ Нѣманъ-Рось онъ считаетъ только однажды, Рось, притокъ Шещуна, Роску, Волынской губерніи, Рось, впадающую въ Езерены, онъ также не помѣстилъ въ своемъ перечисленіи рѣкъ съ именемъ Рось. Положимъ, что дѣйствительно всѣ эти рѣки называются или назывались „Рось“¹⁾, что число ихъ простирается до 14; можно ли отсюда заключить, что страна, орошенная этими рѣками, называлась Русью, и что это была страна славянская?

Еслибъ эти четырнадцать рѣкъ съ именемъ Рось дѣйствительно текли въ одной какой либо однообразной мѣстности съ однообразнымъ населеніемъ, то мы готовы были бы допустить, что они могли дать странѣ и народу названіе Руси, подобно тому какъ горы Карпатскія дали имя Хорватамъ, и потомъ впоследствии Гораламъ, подобно тому какъ

¹⁾ Что далеко не вѣрно; такъ очень вѣроятно, что Русь Новгородской губерніи и Порусья это одна и та же рѣка; что Осколь назывался Росью, это очень сомнительно; одна сѣмля на Нарбутѣ недостаточна для того, чтобы этотъ сантъ могъ быть установленъ, какъ подлинный.

извѣстное положеніе страны дало имя Нидерландамъ и т. п. Но первыхъ, приведенныя четырнадцать рѣкъ протекають въ мѣстностяхъ самыхъ разнообразныхъ—гористыхъ, болотистыхъ, лѣсныхъ, степныхъ; восторныхъ, онѣ протекають слишкомъ на большомъ пространствѣ, чтобы первобытные люди могли знать ихъ всѣ, и вслѣдствіе того, взять отъ нихъ названіе для страны. Узнать ихъ можно было только въ настоящее время посредствомъ изученія географіи, не простаго, обыкновеннаго, а историческаго, и притомъ весьма старательнаго, отыскивая имя Росѣ и въ русскихъ лѣтописяхъ, и у польскихъ историковъ, и у нѣмецкихъ, и въ книгѣ Вольшаго Чертежа, и даже у Птолемея, Агаванера и географа Нубійскаго, какъ это сдѣлалъ г. Гедесоновъ. Въ древнее же время, когда образовались народныя названія, откуда всѣ эти имена могъ выкопать кто-нибудь въ мирѣ? Люди, жившіе, напримеръ, на Волгѣ-Роси, даже не подозревали существованія другихъ Росей, Нѣмана-Роси, Оскола-Роси, Эмбаха-Роси, и т. д., не говоря ужъ о маленькихъ рѣчкахъ, носившихъ это имя. А ученыхъ путешественниковъ, которые извѣздили бы всю Россію отъ Старой Русы до Роси Кіевской и отъ Эмбаха до Оскола, также не было. Если бы еще страна эта была населена однимъ народомъ, котораго отдѣльныя части были бы между собою въ частомъ соприкосновеніи, въ такомъ случаѣ можно было-бы еще предположить, что всѣ ¹⁾ эти имена были извѣстны туземному народу. Но страна, орошаемая этими 14 Росями, была обитаема, во первыхъ—Финнами западными (Эмбаха и Порусья), восторныхъ—Финнами приволжскими (Волга), третьихъ—народами турецкаго происхожденія (нижняя Волга

¹⁾ Да и это было бы возможно только въ такомъ случаѣ, если бы всѣ эти рѣки были достаточно значительной величины, такъ какъ маленькихъ рѣкъ имъ не знаемъ нигдѣ даже въ мѣстахъ, близко отъ насъ находящихся, не говоря о такомъ пространствѣ, какъ нѣмѣшная Россія. Кто зналъ объ этихъ четырнадцати Росяхъ до тѣхъ поръ, какъ г. Гедесоновъ откопалъ ихъ. Съ другой стороны, и самъ онъ пропустилъ нѣкоторыя Русы, не смотря на тщательное собраніе ихъ. Такъ, онъ не обратилъ вниманія на рѣку Рузу, на которой стоитъ городъ Руза, Московской губерніи; а эта рѣка была бы ему въ особенности пригодна, потому что, по мнѣнію Шаевскаго, первоначальнымъ видомъ всѣхъ этихъ Русей было именно слово гуза, рѣка. Отъ Гедесонова ускользнула также Роска въ Тульской губерніи (въ Черкасскомъ уѣздѣ), и Русанка въ Смоленской (упоминается въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ). Потомъ онъ могъ бы обратить вниманіе на Нерусу, НеРусу, впадающую въ Десну (по книгѣ В. Чертежа; ср. Трубежъ и Не-Трубежъ) и на видоизмѣненіе этого имени Неручъ въ Орловской и Смоленской губерніяхъ (двѣ рѣки съ этими именами).

и Осколь), четвертых—Литовцами (Нѣманъ и Куришагфъ), пятых—Поляками (Рось, текущая въ Нѣманъ, Езерены и Шещупъ), наконецъ, Русскими Славянами (Рось Кіевская и Волынская, и быть можетъ, Рось, притокъ Семи). Итакъ, только три рѣки съ именемъ Рось текли въ славянской странѣ. Но и эти три рѣки не текутъ въ той странѣ, которая, по мнѣнію гг. Гедеонова и Иловайскаго, по преимуществу называлась Русью. Волынская Рось текла въ землѣ Древлянъ, а Древлянская земля въ нашей лѣтописи отличается отъ Руси, отъ Кіевской области, именно въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ г. Гедеоновъ видитъ доказательство той мысли, что имя Русь принадлежало исключительно южной Руси; напримѣръ, „рѣша же Деревляне: се убихомъ князя Русскаго“ и далѣе: „бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску“. Тутъ Древлянская земля отличается отъ Руси. Что касается до Роси, текущей въ Семь, г. Гедеоновъ не указалъ, гдѣ именно текла она. Не все теченіе Семи было заселено Славянами, а лишь нижняя часть ея; при началѣ же государства, вѣроятно, и весь почти бассейнъ этой рѣки представлялъ пустую степь. Города по Семи, Путивль, Курскъ являются въ исторіи только въ XII вѣкѣ.¹⁾ Что касается до верховьевъ Семи, они и до самаго Московскаго періода не были населены Славянами. А Кіевская Рось также не текла по странѣ Кіевскихъ Славянъ. Она составляла пограничную рѣку, по которой проходила сторожевая линія Кіевскаго княжества, да и то не съ самаго начала его. По этой рѣкѣ ставилъ города только Ярославъ, при чемъ населялъ ихъ плѣнными Ляхами,—доказательство, что мѣстнаго населенія тутъ не было. А Владиміръ, укрѣпляя границу, на правой сторонѣ Днѣпра ставилъ города только по Стугнѣ, да и эти города все-таки населялъ Словенами, Бривичами, Чудью и Вятичами. Такимъ образомъ, при Владимірѣ Рось текла еще внѣ чертъ Русскаго государства, внѣ страны, населенной Славянами. Съ

¹⁾ Притомъ самое окончаніе названій этихъ городовъ указываетъ на недавнее происхожденіе ихъ. Курскъ получилъ свое имя отъ ручья Кура, на которомъ она построена, а Путивль—отъ какого-то Путива, какъ Ярославъ отъ Ярослава, Судиславъ отъ Судислава, Дядославъ отъ Дядослава и т. п. Но всѣ эти города новыя, построенныя не раньше XI столѣтія. Изъ городовъ, означившихся на сѣв., только два города старше Русскаго государства: Околенскъ и Изборскъ; всѣ другіе являются въ исторіи только въ XI, XII, XIII и въ позднѣйшихъ вѣкахъ, какъ напримѣръ: Минскъ, Витебскъ, Луцкъ, Олудкъ, Новгородъ-Озерскъ, Трубчевскъ, Козельскъ, Василь-Сурскъ, Слѣжскъ, Архангельскъ, Тобольскъ, Томскъ, Иркутскъ и проч.

этимъ согласно и жизнеописаніе св. Вруно, гдѣ говорится, что Владимиръ, провожая Вруно къ Печенѣгамъ, уже на другой день привелъ его къ границѣ своей земли. То же подтверждается и извѣстіемъ лѣтописи о набѣгѣ Печенѣговъ въ 996 году. Первый городъ, подвергшійся ихъ нападенію, былъ Василевъ на Стугнѣ. Итакъ, много ли остается рѣкъ собственно для южной Руси, для страны Полянъ, для той Руси, которая, по мнѣнію гг. Гедеонова и Иловайскаго, первоначально называлась Русью, которая сообщила это имя всей южной части нашего отечества, а потомъ и сѣверной?— Ни одной.

Но положимъ, что дѣйствительно, три рѣчки съ именемъ Русь орошали южную часть страны, населенной Русскими Славянами. Почему-жъ именно онѣ имѣли предпочтительное право дать странѣ и народу свое имя, а не какія-нибудь другія рѣчки съ именемъ Русь — странамъ, орошаемымъ ими. Такъ, если Росъ, текущая въ Езерены, Росъ, текущая въ Нѣманъ, и Росъ, текущая въ Шещуцъ, дѣйствительно существуютъ, то скорѣе можно было бы думать, что онѣ должны дать имя своей странѣ, тѣмъ болѣе, что тутъ же и самъ Нѣманъ-Росъ и Куришгафъ-Русна. Здѣсь пять названій съ именемъ Русь на разстояніи, сравнительно, небольшомъ, въ странѣ однообразной по климату, по поверхности, по растительности; страна эта вся покрыта лѣсомъ, отличается сыростью, множествомъ болотъ, озеръ. Вотъ ей бы и пристало называться Русью, такъ какъ первобытнй корень *рс* означаетъ влагу вообще. Безъ сомнѣнія, если есть связь между этимъ корнемъ и названіемъ Русь, то Русью именно слѣдовало бы назвать скорѣе эту низменную и влажную страну, чѣмъ маловодныя степи, орошаемыя Киевскою Русью или Семью съ притоками.

Вообще данныя, представленныя гг. Гедеоновымъ и Иловайскимъ для доказательства той мысли, что Русь получила свое имя отъ рѣкъ, и именпо на югѣ, весьма недостаточны для того, чтобы прежнее мнѣніе о негуземности имени Русь въ южной Россіи уступило мѣсто ихъ мнѣнію. Г. Иловайскій, во видимому, и самъ чувствуетъ это. По крайней мѣрѣ, въ ряду рѣкъ, называющихся именемъ Росъ, онъ не придаетъ особеннаго значенія большинству ихъ, не упоминая даже совсѣмъ, какъ указано выше, о нѣкоторыхъ рѣкахъ, указанныхъ г. Гедеоновымъ. Но за то тѣмъ болѣе значенія придаетъ онъ тому, что и Волга называлась также Расъ, Ра, Росъ. По его мнѣнію, корень *рс* былъ далеко распространенъ въ земляхъ восточной Европы въ названіяхъ рѣкъ; въ этомъ отношеніи онъ уступалъ только корню

дан, том, дом, который былъ распространенъ не только въ восточной, но и въ западной, и въ южной Европѣ. Отсюда онъ и заключаетъ, что „нашихъ Руссовъ нельзя считать колонистами изъ какой-нибудь другой страны. Напротивъ, скорѣе наша Русь могла послужить колыбелью для другихъ европейскихъ народовъ, носившихъ то же имя“. За исключеніемъ другихъ народовъ, носившихъ имя Руси, которыхъ не было, я самъ принимаю эту мысль г. Иловайскаго, то есть, что Руссы были исконными обитателями Россіи; но гг. Иловайскому и Геденову слѣдовало показать, что эти Руссы жили въ южной Россіи, около Кіева, что они были Славяне, или, что Славяне, поселившись въ южной Россіи, получили имя Руси. Но этого-то они и не показали. Рѣкъ съ именемъ Руси въ землѣ южно-русскихъ Славянъ было не больше, а меньше, чѣмъ въ земляхъ Поляковъ, Прусовъ или Финновъ, а въ землѣ Полянъ ихъ и совсѣмъ не было. Если, дѣйствительно, есть связь между древнимъ именемъ Волги и именемъ Русь—что можно допустить,—то это служитъ подтвержденіемъ существованія финской Руси Татищева, Волгина или волжской Руси Эверса, Гаммера, д'Оссона, Хвольсона, а никакъ не теоріи гг. Геденова и Иловайскаго.

Другія доказательства, представленныя гг. Геденовыми и Иловайскими, не отличаются большою крѣпостью. Давнее существованіе Руси Угорской, которая никогда не находилась въ политическомъ единеніи съ нашею Русью, и закрѣпленіе этого имени за Русью Галицкою, которая, сравнительно, недолгое время принадлежала Русскимъ князьямъ, ничего не говорятъ въ пользу теоріи. Если бы г. Иловайскій показалъ, что Угорская Русь, дѣйствительно, искони называлась этимъ именемъ, то это имѣло бы большой вѣсъ; но неопредѣленное выраженіе „давнее существованіе“ не имѣетъ его. Какъ далеко восходить эта давность? Въ X вѣкѣ Угорскіе Руссы не были извѣстны подъ этимъ именемъ, а назывались Хорватами и подъ этимъ именемъ ходили съ Олегомъ на Царьградъ. Стало быть, имя Руси появилось у нихъ позже. Когда и какъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняется изъ самой исторіи этой страны. Вторженіе Мадыръ и основаніе мадырской державы отрѣзало ее отъ южныхъ Славянъ и отчасти отъ западныхъ. Съ тѣхъ поръ весь славянскій міръ для нея заключался въ сосѣдней Галицкой Руси, съ которою она имѣла самое близкое племенное родство. Съ этою страной она имѣла, какъ и до сихъ поръ имѣетъ, постоянныя сношенія. Отсюда она получила христіанскую вѣру съ греко-восточнымъ обрядомъ и съ славянскимъ богослуженіемъ, которые она

сохраняеть до сихъ поръ. Послѣдующія событія еще болѣе сблизили эти страны. Въ XIII вѣкѣ многіе Русскіе изъ Россіи, именно изъ Галиціи, удалились сюда во время татарскаго нашествія. Въ XIV вѣкѣ сюда привелъ большую колонію изъ южной Россіи Федоръ Кориатовичъ (до 40 тысячъ человѣкъ), князь литовскаго происхожденія, но обрусѣвшій, который, прійдя въ Угорскую Русь, строилъ здѣсь православныя церкви и монастыри и получилъ отъ Венгерскаго короля именно тѣ города (Музачевъ и Ужгородъ), гдѣ до сихъ поръ существуютъ двѣ единственныя русскія епархіи. Все это служило еще къ большому сближенію двухъ частей одного и того же народа, раздѣленныхъ Карпатами, почему и языкъ ихъ, не смотря на два различныя вліянія въ той и другой части, мадьярское и польское, до настоящаго времени представляетъ даже не два нарѣчія, а одно нарѣчіе съ мѣстными словами въ той и другой части. Спрашивается: какъ могли смотрѣть на себя и какъ должны были называть себя Закарпатскіе Славяне, потомки Хорватовъ? Они не могли не сознавать, что они составляютъ одинъ народъ съ Галицкою Русью. Они въ значительной долѣ даже происходили отъ этой Руси, а потому и не могли называть себя иначе какъ Русью. Это и началось, вѣроятно, со времени введенія христіанства; въ XIII и XIV вѣкахъ это названіе окончательно утвердилось. Нужно замѣтить еще, что тутъ играло большую роль именно единство религіи. Галицкіе и Закарпатскіе Русскіе до сихъ поръ въ своей вѣрѣ видятъ одинъ изъ признаковъ своей народности, а вѣру эту они иначе не зовутъ, какъ вѣрою русскою. Многіе ужъ обращали вниманіе на тотъ фактъ, что и тѣ, и другіе на вопросъ, какой ты вѣри, обыкновенно отвѣчаютъ: русскою. Для простаго и религіознаго человѣка вѣра больше значитъ, чѣмъ для человѣка образованнаго. Идею національности онъ понимаетъ смутно и болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; но религіозное различіе или сходство для него болѣе понятно, и къ нему онъ не безразличенъ. Поэтому Угорскіе Руссы, говоря однимъ языкомъ съ Русскими въ Галиціи и исповѣдуя съ ними одну вѣру, не имѣли никакой причины отличать себя отъ нихъ, не могли не сознавать себя одною народностью вмѣстѣ съ ними, и потому должны были перенести на себя то имя, которое мало по малу было усвоено жителями Галиціи. Это тѣмъ болѣе незначительной части каковаго-нибудь народа, не соединеннаго политически съ остальною, главною массою народа, къ этому народу не составляетъ единственнаго примѣра въ исторіи; аналогическія явленія въ ней можно найти. Такъ, Савоя въ все продолженіе своей исторіи, отъ X до XIX